

ТОПИКА: ЭСКАЛАЦИЯ ПРИТЯЗАНИЙ

В ситуации формирования методологии социально-гуманитарных наук топка – метод неформальной аргументации, может стать еще одним эффективным способом исследования в этой области. Метод был разработан Аристотелем и на протяжении истории философской мысли претерпевал изменения как в содержательном плане, так и в статусе. В статье исследуется история становления топки и предпринимаются попытки выделить ее предмет.

Ключевые слова: топка; топос; диалог; аргумент.

Начавшийся со второй половины XIX в. процесс формирования социально-гуманитарных наук вызвал к жизни методологические проблемы, которые появились отчасти из-за доминирования естественно-научного знания и попыток применения их методов исследования в социально-гуманитарных науках, т.к. успехи формальной логики, используемой в точных науках, не допускали в области рациональности методы рассуждения, не соответствующие их правилам. По этой же причине неопозитивистами была предпринята вполне оправданная попытка изгнать из этой области философию. Оправданная по той причине, что философия действительно пользуется иной системой доказательств. Все это породило необходимость в разработке новых способов исследования в социально-гуманитарной сфере и философии. Одним из таких способов может явиться способ неформальной аргументации (топка), представленный еще Аристотелем и не получивший достойной оценки по сей день, несмотря на достаточно активное обсуждение этой проблемы. Топка является наименее нормированным типом мыслительной техники, а гуманитарное знание и философия предполагают достаточно часто неопределенные, проблемные ситуации, где неприменимы аподиктические заключения, но именно это позволяет считать ее наиболее эффективным средством организации мышления в таких случаях. Но топка прошла сложный путь в своем формировании и, получив некоторое признание, не заняла подобающего ей места среди иных методов. Поэтому, на наш взгляд, необходимо проследить этапы ее формирования и выделить среди других методов аргументации.

Трактат Аристотеля «Топика» и способ, «при помощи которого мы в состоянии будем из правдоподобного делать заключения о всякой предполагаемой проблеме не впадать в противоречие, когда мы сами отстаиваем какое-нибудь положение» [1. С. 349], долгое время оставался в тени. Об этом говорил еще Секст Эмпирик: «Трактат этот пользуется малой популярностью...» [2. С. 17]. Много позже Лосев замечал, что «когда мы начинаем разъяснять аристотелевское учение о топосах, то многие, даже весьма ученые собеседники начинают разводиться руками и выражать полное непонимание предмета» [3. С. 336]. Лосев же указывает и причины этого: во-первых, это то, что Платон еще ранее определил «линию», отделив логику – «истинное» учение об аргументации – от всех других видов аргументации, основанных на вероятностных знаниях. Последние не признавались истинными и если использовались, то в основном как дополнительные в исследованиях. Во-вторых, хотя Аристотель и рассматривал формальный и неформальный способы аргументации

(к которым причисляется и топка) как равноправные, но «Топика», в то время и в последующем, не выдержала конкуренции с двумя «Аналитиками» самого же Аристотеля с их формальной силлогистикой. Третья причина, исходящая из «непонимания предмета», состоит в том, что противопоставляя аподиктический и диалектический силлогизмы часто не различают двух способов, которые излагаются в «Топике», диалектика и топка употребляются как синонимы. Хотя на их различие указывал еще Цицерон Марк Туллий. В своей книге «Топика», назвав Аристотеля создателем двух способов умения искусно рассуждать – искусства нахождения (топка) и искусства суждения (диалектика), он заметил, что топка должна стоять на первом месте и что она используется чаще. Также и Боэций выделяет две составляющие неформальной логики Аристотеля – топику и диалектику. Диалектика – искусство суждения – предполагает искусство пользования понятиями, топка же (искусство нахождения) занимается общими определениями, составляющими основание всякого суждения и познания.

Отождествление топки с диалектикой отчасти предопределило трудную судьбу всей топки и особенно топки как метода нахождения, изобретения, открытия.

Со времен Аристотеля нам известно и понятие «топка». Им оно определялось как учение о *topoi* («топах») или «топосах»), «местах», «общих местах», общих исходных пунктах, которые служат для изложения темы. Топика – это, таким образом, способ пространственной организации мысли, поиск, основанный на пересечении границ вещи, где и сосредоточиваются смыслы, что позволяет рассматривать вещь с различных точек зрения, с различных позиций.

Несмотря на преобладание «линии Платона», в Античности и Средневековье судьба топки складывалась более или менее благополучно. Большинство европейских философов признавали необходимым считаться с разнообразием взглядов, неопределенностью высказываний и с неформальными способами аргументации в науке и философии (с топикой в том числе). Но, пожалуй, активное использование этого способа в Средние века нанесло ей ощутимый удар. Критика схоластики, развернувшаяся в Новое время, распространилась и на неформальные методы рассуждений и аргументации. Ф. Бэкон, обращая пристальное внимание на топику и считая частную топику эффективным способом исследования в науке, пытается вывести ее из-под удара. Он делает упор на недостатках средневековой схоластики, которые состояли в том, что подробно исследовались очевиднейшие вещи, а неизвестное не исследовалось и «даже не затрагивалось». Бэкон встает на позицию

Аристотеля, который предостерегал от бесполезного применения топики, замечая, что не следует «рассматривать всякую проблему и всякий тезис, а только такие, относительно которых возникает сомнение у того, кто нуждается в доводе, а не у того, кто подлежит наказанию или кому необходимо чувственное восприятие. Ибо те, кто сомневается, следует ли почитать богов или уважать родителей, подлежат наказанию, а тем, кто сомневается, бел снег или нет, необходимо чувственное восприятие» [1. С. 361].

Но со времен Декарта универсальная истина становится единственной достойной целью познания. Отодвигая на периферию человеческое мышление, Р. Декарт в своих рассуждениях делает упор на принципе очевидности, на поиске универсальной теории и универсального рационального метода. Согласно этому принципу следует «включать в свои суждения только то, что представляется моему уму столь ясно и столь очевидно, что не дает мне никакого повода подвергать их сомнению» [4. С. 272]. Неформальные методы аргументации почти перестают быть предметом философского и логического интереса.

Во второй половине XVII в. со стороны А. Арно и П. Николя предпринимается сокрушительная критика аристотелевского принципа правдоподобия. Ими признается лишь принцип «очевидности» и «интеллектуальной интуиции», а логика правдоподобия считается лишь результатом «отсутствия внимательности». Более того, по их мнению, она могла привести к авторитаризму, с одной стороны (привычке полагаться на мнения других людей), и скептицизму (убеждению, что в мире нет ничего достоверного) – с другой [5. С. 72–73].

Но все-таки, несмотря на то что универсальный рациональный метод, аподиктические умозаключения завоевали основные позиции, их «победа» была неполной. Неявно используются некоторые принципы топики, осуществляется скрытая «реабилитация» топики.

У самого же Декарта в правилах метода обосновывается необходимость «делать всюду перечни» относящихся к делу обстоятельств [4. С. 260]. Эти перечни должны быть предельно полными, всеохватывающими, чтобы стать основой для размышления. Другими словами, применяется свойственный топики способ пространственной организации, «способ нахождения». Также, хотя И. Кантом диалектика (топика) допускается лишь в виде «критики диалектической видимости» знания и областью достоверного знания признается лишь логика (аналитика), им все-таки вводится понятие «трансцендентальная топика» и вносится в топику очень важное положение о том, что принцип тождества и различия вещи самой по себе и явления действует поразному. Трансцендентальная топика, по Канту, – это «оценка места, принадлежащего всякому понятию», которая должна содержать в себе рефлексии о различных формах сравнения представлений, предшествующих понятию о вещах [6. С. 320].

Один из основоположников историзма Дж. Вико в первой четверти XVIII в. делает попытки «реабилитировать» топику. Он считает ее силой, делающей ум изобретательным, называет ее искусством открытия, способом «правильно направлять первую деятельность нашего ума, обучая его тем местам, которые нужно

пробежать одно за другим для того, чтобы узнать все, что только есть в вещи, если желательно узнать ее правильно, т.е. всю». Вико отводит топики первое место в познании, аргументируя это тем, что сначала нужно знать вещи, а потом судить о них [7].

Таким образом, к XIX в. пройдя трудный путь способа неформальной аргументации в условиях признания целью познания универсальной истины топики «рассеивается», используются ее отдельные принципы, фрагменты, как дополнительные в исследованиях. Но все-таки можно выделить ее основные черты: топика – это способ нахождения или открытия (Цицерон, Боэций, Вико); основывается на принципах очевидности и правдоподобия (в широком смысле) и только на принципе правдоподобия (в узком); также на принципе сходства и различия; выделяется общая и частная топика; основанием применения топики всегда должно являться сомнение; топики свойственна диалогическая форма. Способ нахождения дополняется Кантом. Он говорит о необходимости трансцендентальной рефлексии, которая помогает определить, объектами какой познавательной способности является предмет – чистого рассудка или чувственности. Без этой рефлексии может произойти смешение объекта чистого рассудка с явлением, т.е. к трансцендентальной амфиболии.

В XIX в. происходит процесс активного обновления философской мысли. Этот процесс, захвативший и XX в., характеризуется так называемым «преодолением метафизики», отказом от построения монистических систем. Это неизбежно обращало философию к человеку, его деятельности и опыту, переосмыслению его положения, места в бытии. Бахтин, например, считал, что условием человеческой и культурной самоидентификации является проблема обретения места в бытии. Происходит так называемый «антропологический поворот», получивший выражение в произведениях С. Кьеркегора, К. Маркса, З. Фрейда, Ф. Ницше, М. Хайдеггера, Вл. Соловьева, М. Шелера, М. Фуко, Ж. Деррида, Ж. Делеза и др. Набирает силу осмысление социально-гуманитарного знания как отличного от естественнонаучного. Происходит разделение наук на науки о природе и науки о культуре и осознание того, что последние нуждаются в иных методах познания. Поэтому методы неформальной аргументации все более отвоевывают себе позиции в сфере философских исследований, в области социально-гуманитарных и даже в области естественных наук. Вильгельм Хеннис в Германии предлагает использовать топику (искусство аргументирования и взвешивания аргументов) как методическую основу политических наук, поскольку в политологии неприменимы аподиктические заключения.

Гадамер отрицает применение в философии научного метода и, как замечает Н. Плотников, «философия становится здесь разновидностью топики и риторики» [8]. Рассматривая проблему истины в философии, Г. Джонстон считает, что истина в философии отлична от истины в точных науках: без учета аргументативно-контекста любое философское утверждение является двусмысленным и нерелевантным. Кроме того, смысл утверждения состоит из двух частей – аргумента в пользу философского утверждения и аргумента против этого утверждения [9].

В начале XX в. способ, подобный упоминаемой выше частной топике Бэкона, систематизируется и расширяется Д.С. Миллем, который предполагал использование его в естественных науках. Особое внимание он уделяет методу сходства и различия. Метод сходства применялся им для анализа результатов наблюдений. На основе их выявлялся такой признак, который являлся общим для всех случаев и, таким образом, служит причиной возникновения действия или следствия. Поэтому в процессе аргументации, чтобы выявить предполагаемую причину, необходимо тщательно исследовать, как и чем отличаются различные явления друг от друга и в чем обнаруживается их сходство. Но до этого надо догадаться об общем, сходном их признаке, для чего требуется сформулировать вероятностное утверждение, которое можно подтвердить или опровергнуть. Метод различия – метод выявления присутствия признака в одном и отсутствия его в другом [10].

М. Хайдеггер, рассматривая мир в пространственной перспективе, создает специфическую языковую топологию. Всякому слову, знаку языка соответствует конкретный топос мира. Всякое обращение с языком должно включать в себя процесс установления и усвоения адекватных словам содержательных топосов мира. Мир и язык в своих проявлениях, таким образом, не просто сосуществуют, а укоренены друг в друге и являются местом обитания человека. Внутримировое сущее и бытие-в-мире переплетаются и являются сторонами просвета, топоса – Да. Да безразлично по отношению к времени, месту, к дали и близи (топос).

Принцип правдоподобия, свойственный неформальным методам аргументации (в том числе и топике), К. Поппер распространяет на любую научную теорию: любая научная теория правдоподобна, а любой научный вопрос гипотетичен. Науку образуют не законы, а правдоподобные заключения [11. С. 417]. В этой ситуации возникает необходимость выдвижения проектов создания неформальных логик, которые часто основываются на прежних достижениях философов. Более всего это связано с именами Х. Перельмана и С. Тулмина.

Причина, по которой Х. Перельман встает на позицию неформальной аргументации, заключается в том, что он видит недостатки принципа эмпиризма (провозглашавшегося логическими позитивистами). Они заключаются в том, что этот принцип не дает возможности судить о ценностях. Он «переоткрывает» идеи Аристотеля, содержащиеся в его трудах «Топика» и «Риторика», и создает свою систему, разработанную в его трактате «Новая риторика» [12], которая, на наш взгляд, представляет собой переплетение топике и риторики. Такой симбиоз обусловлен областью применения – юриспруденция. Но некоторые идеи философа усиливают эффективность топике как способа исследования. Им рассматривается более широкий круг правдоподобных рассуждений и полностью исключаются формальные доказательства из области аргументаций. То есть он разводит понятия «доказательство» и «аргументация». Для доказательства необходимо, чтобы заключения следовали из истинных (или признаваемых истинными) посылок с логической необходимостью, по правилам дедукции. Для аргументации дос-

таточно, чтобы утверждения были обоснованными, т.е. подтвержденными свойствами, фактами и другими данными.

В свой метод он вводит понятие «аудитория» и выделяет две стороны диалога – аргументатор и аудитория, где последняя в решении проблемы приобретает решающее значение: аргументатор должен получить ее согласие. Перельман выдвигает три типа аудитории:

1. Все человечество как идеальная конструкция.
2. Группа лиц, к которой обращается аргументатор.
3. Сам аргументирующий.

Перельман, в отличие от Аристотеля, не составляет перечень общих мест. Он пишет, что «не желает связывать себя догмами какой бы то ни было метафизической системы в отличие от Аристотеля, который классифицирует общие места в соответствии со своими философскими взглядами» [1. С. 32].

В центре всего у Перельмана, как уже упоминалось, – согласие с аудиторией. Поэтому иногда зафиксированное общее место не может в этом помочь, т.к. «зачастую согласие между собеседниками базируется более чем на одном взаимонаправленном общем месте. Помимо этого, само по себе обращение к общему месту может оказаться недостаточным и, следовательно, собеседник может потребовать его обосновать. К тому же состав общих мест в каждом социуме будет разным за счет существования ряда характерных только для него общих мест» [12. С. 85]. С одной стороны, это перемещение в сторону риторики – использование уже готовых общих мест, но, с другой стороны, Перельман указывает на необходимость выявления или выделения топоса.

Большую ценность в методе Х. Перельмана имеет классификация критериев, с помощью которых производится оценка различных типов аргументации. Он различает критерии и стандарты, которые носят общий характер, и те, которые зависят от области аргументации. Критерии и стандарты второго типа принадлежат только какой-либо определенной области знания. Их нельзя употреблять для оценки и критики в других областях знания.

Последнее замечание Х. Перельмана усилено американским логиком Ст. Тулмином, т.к. его анализ направлен на аргументацию, которая обосновывается и подтверждается эмпирическими данными и конкретными фактами, относящимися к различным областям знания. Это позволяет использовать метод Тулмина в практике многих гуманитарных дисциплин, в наиболее типичных ситуациях. Но такая аргументация не подходит для философии и теоретических исследований в науке, т.к. они основываются более всего на обобщениях, законах [13]. Кроме того, он предлагает по-иному (не так, как в логике и научном познании) употреблять понятие «вероятность». Посредством этого понятия меняется форма выражения при одном и том же содержании суждения: «это так» и «вероятно, это так». Суждение в первом случае категорично, во втором – «осторожно» [13].

«Сосредоточенность на аудитории» – один из принципов теории аргументации, которую попытались создать Р. Рике и М. Силларс в работе «Аргументация и процесс принятия решений» [15]. Удовлетворительным может считаться аргумент, на который может согла-

ситься аудитория. В отличие от Перельмана, который, классифицируя аудиторию, выдвигал как один из ее видов ту, с которой непосредственно общается аргументатор (судебный процесс), Рике и Силларс понимают аудиторию не как наличную публику. Они пишут: «Мы включаем в наше понятие аудитории любое человеческое существо, которому сообщается какой-то аргумент через какого-то посредника. Под процессом аргументации мы понимаем процесс выдвижения альтернативных “заявок”, обеспечение их обоснованиями, взаимную критику и обеспечение приверженности (аудитории. – *О.Б.*) к одной из них» [14. С. 8]. Вслед за Перельманом они отмечают наряду с общезначимой и специализированную аргументацию, которая применяется в судопроизводстве, науке, политике, бизнесе и т.д.

В современной отечественной философии проблема аргументации нашла отражение в работах Г. Брутяна, А. Ивина. Особенно интересна в этом плане работа Г.И. Рузавина «Методологические проблемы аргументации» (1997), в которой предпринимается попытка классификации типов диалога, различая среди них дискуссию, дебаты и полемику. Проблема топики, определение понятия «топос», выделения топоса рассматриваются в работах М. Мамардашвили, А. Родина, Н. Плотникова, А.И. Мигунова и др.

Таким образом, можно сказать, что положение топики в XX в. изменилось – с одной стороны, она получила признание, с другой – утратила самостоятельность. В это время (и до сих пор) топики предпочтительно рассматривается как способ, применяемый в риторике. Делается упор на область ее применения: деление на общую и частную топику дополняется положением о том, что критерии и стандарты, зависящие от области аргументации, могут использоваться лишь в какой-либо определенной области знания (Перельман, Тулмин, Рике, Силларс и др). Также, в результате признания топики риторическим методом, происходит усиление роли аудитории, большее значение приобретает многообразие мнений. Доказательство и аргументация выделяются как два совершенно различных способа. Кроме того, выделяется особенность философского знания и обосновывается применение в философских исследованиях методов неформальной аргументации.

Как мы видим, несмотря на то что методы неформальной аргументации отвоевали позиции в гуманитарных науках, и более всего в философии, и слово «топики» употребляется все чаще, все-таки полная картина все еще не сложилась. Можно отметить ряд проблем, мешающих понять до конца, что же такое топики. Одна из главных – это определение предмета топики, выделение ее как самостоятельного метода среди других способов аргументации. Эта проблема, очевидно, волновала еще Аристотеля. Он резко отделил топику от аподиктической силлогистики как способ неформальной аргументации от формального, как правдоподобные положения от абсолютно доказательных, как диалог от монолога. Формальная аргументация предполагает выведение одного из другого, а топики (неформальный способ аргументации) – собирание разнородных на первый взгляд фактов, утверждений, «относящихся к делу» (по Аристотелю) в одном месте, выяв-

ление сходств, подобий и различий вещей, выделение топоса исследуемой вещи, т.е. места вещи, которое Аристотель понимал как предел, границу.

В отличие от аналитической логики, представляющей собой монолог, диалектическая логика – это диалог. Таким образом, в первом случае живая речь отсутствует, во втором – она всегда присутствует или предполагается. Предполагается живая речь, как замечает Ф. Бэкон, в рассуждениях: т.е. «...общая топики имеет значение не только для аргументации, необходимой в спорах, но и в рассуждениях, когда мы обдумываем и обсуждаем сами с собой какую-нибудь проблему; более того, сущность ее сводится не только к тому, что она предлагает или советует, что мы должны утверждать или заявлять, но прежде всего к тому, что мы должны исследовать и о чем спрашивать» [15. С. 120].

Но все-таки существует нечто общее, объединяющее оба способа аргументации: это их цель – поиск истины. Также оба способа аргументации основываются на принципе очевидности. Очевидность – это то, что не требует доказательства. Но на этом и ограничивается сходство двух способов, потому что «энтимема (материальная, жизненная вероятность или правдоподобие), – замечает Лосев, – хочет доказать материальную истинность своего вывода» [16. С. 336]. Какое-либо заключение является материально истинным, когда оно соответствует действительности или вещам. Истинное формально – это заключение, когда верен способ соединения мыслей, но оно может не соответствовать действительности, т.е. может быть истинно формально, но ложно материально. Таким образом, можно сказать, что очевидное формально и очевидное неформально не являются одним и тем же. В топики, где используются неформальные методы аргументации, принцип очевидности – это истинное материально, то что соответствует действительности или вещам, а также очевидное для субъекта. Принцип же правдоподобия (по Аристотелю, «то, что кажется правильным всем или большинству из них или самым известным и славным») в этой паре присущ лишь топики.

Аристотель также резко противопоставляет топику софистике и эристике (где также имеет место поиск «общих мест», правдоподобие и диалог). Софистика не заинтересована в нахождении истины: ее цель доказывать как истинность, так и ложность различных суждений. Цель эвристики – спор ради самого спора. Проблема предмета топики затрагивалась А.Ф. Лосевым, который рассматривал ее как самостоятельную дисциплину. Он считал, что «Топики» имеет свой собственный, вполне оригинальный предмет, который не есть ни абсолютное бытие, ни просто иррациональная текучесть. Это есть некое совмещение того и другого» [16. С. 336]. Но различение топики и риторики вызывает в нынешнее время трудности и приводят к недопониманию топики и как следствие – достаточно часто к взаимозаменяемости понятий топики и риторики. Например, Н. Плотников, давая характеристику методу Хаймера Перельмана, говорит о том, что он, «копираясь на опыт юридической и судебной аргументации, разработал так называемую “новую риторику” (которую с таким же успехом можно было бы назвать “новой топики”)» [12]. В основу такого отождествления он поло-

жил отличие обоих способов аргументации от демонстративных заключений формальной логики. Действительно, оба этих способа основываются на принципе правдоподобия и на поиске подходящих топов или топосов, но в риторике топы – это, прежде всего, положения, принятые в обществе, те, которые не должны вызывать сомнения (идея Бога, законы, правила морали и др.). Как пишет А.А. Волков в своей работе «Курс русской риторики», «...общие топы представляют собой суждения, значимые во всей культуре и приемлемые для любой аргументации». «Истолкование таких конечных топов, – продолжает он, – не может быть произвольным (если каждый толкует их по-своему, они перестают быть общими)» [17. С. 22]. Топосами («местами») в риторике признаются факты жизни и мысли, которые делают силлогизм убедительным. Таким образом в риторике используются устоявшиеся формы, некоторые заданные общие границы. Необходимо, на наш взгляд, сделать акцент именно на использовании в риторике общих топов: риторика не интересуется их происхождением и не заботится об их достоверности. Топика же, как метод нахождения истины, предполагает сомнение, и поэтому исследователь, сталкиваясь с таким общим местом и обладая своим собственным видением проблемы, проверяет его достоверность (выясняет, не произошли ли изменения, которые даже могут разрушить пространство топа). Говоря о «пользе диалектики» (топики) для философии, Аристотель замечает: «Исследование полезно еще для познания первых начал всякой науки» [1. С. 351]. «Предлогической ступенью» называет топика К. Дурэм – сначала топика находит посылки, затем логика их применяет [18. С. 30].

Если говорить о диалоге, который используется как в топике, так и в риторике, то и здесь можно обозначить различия: диалог в риторике предполагает преимущественно личную аудиторию, мнению которой придается большое значение, а диалог в топике неоднозначен. Первый диалог организуется исследователем. Он привлекает в круг полемики исследователей, объединенных общим местом, т.е. той проблемой, на которую направлена его познавательная активность и «сосредоточивает» их точки зрения в мыслительном пространстве, выдвигая альтернативные аргументы или соглашаясь с имеющимися. Активен в этом диалоге его «организатор», который сам является аудиторией. Та аудитория, которую он «собирает», на этом этапе пассивна. Второй внутренний диалог ведется уже по другому поводу – происходит сама процедура аргументации, но аудитория (те, чьи мнения принимаются во внимание) «не отвечает» – ее роль берет на себя исследователь (Х. Перельман выделил в качестве аудитории самого исследователя (или аргументатора). Диалог с аудиторией в топике осуществляется через посредничество (публикация, например). То есть в основном это не прямой контакт с аудиторией, как предполагается в риторике. Также в риторике для убеждения применяются средства эмоционального воздействия и учитывается «идеология адресата». Но самое главное различие – это их цели: риторика стремится сделать заключение не истинным, а убедительным: придание боль-

шого значения аудитории усиливает данное положение, т.к. для широкой публики часто доказательное может не выглядеть убедительным и наоборот.

Проблема предмета топики, как уже упоминалось, предстает также в виде включения топики в риторику. Иногда топика рассматривается как часть риторики или как способ, используемый риторикой. Здесь же отмечается, что топика долгое время «была практически забыта в риторике. Место топики заняла внешняя сторона речи, элоквенция» [19]. Также Теодор Фивег называет топика риторическим методом [20. С. 2].

В исследовании Н. Плотникова делается попытка разграничения дисциплин «по области действия правил аргументации» [21]. Он выделяет в дискуссии в качестве основных аспектов пропонента, утверждающего некий тезис, оппонента, подвергающего выдвинутый тезис сомнению, и область или предмет спора. Риторические типы правил – это правила, действующие в зависимости от специфики определенных пропонентов и оппонентов; типы правил, не зависящие ни от контекста спора, ни от личностей спорящих, – это логические типы. Топические типы правил не зависят от специфики диспутантов, но зависят от специфики области спора.

С. Долгопольский в своей работе «Против Риторки», исследуя проблему отношения слова и мысли, пишет о том, что риторика осваивает проблему «со стороны слова». «Она исследует/использует способность слова вести мысль за собой, способность воздействовать на мысль...». Тогда как диалектика (в понимании стоиков) – «со стороны мысли» – исследует влияние мысли на слово, «как и возможности слова оказывать сопротивление/искажать мыслительное содержание» [22].

Таким образом, в исследованиях, посвященных топике, выделяются следующие направления: 1. Топика и риторика как один и тот же метод. 2. Топика как часть риторики. 3. Топика как самостоятельный метод исследования.

Последняя точка зрения представляется наиболее доказательной и перспективной, т.к. привлекает больше внимания к данному методу и дает большую возможность для его дальнейшей разработки и использования в исследованиях в социально-гуманитарных науках и философии.

Исходя из вышеизложенного анализа, можно выдвинуть ряд аргументов в пользу вышеизложенного мнения и выделить предмет топического метода: 1. Топика – это способ неформальной аргументации. 2. Основана на принципах правдоподобия, очевидности, сходства и различия, а также – сомнения. 3. Ее цель – поиск истины (в отличие от риторики). Истинность основывается на точках зрения исследователей, занимающихся той или иной проблемой; на конкретных предпосылках (в некоторых случаях); на внутреннем опыте, в какой-то мере совпадающем с внутренним опытом других; на соотношении с другим понятием или категорией, по поводу которых существует ряд мнений. 4. Топика, ее разворачивание зависят от области аргументации.

Этот способ, несмотря на определенные успехи на этом пути, нуждается в дальнейшей разработке.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аристотель*. Топика // Сочинения: В 4 т. М.: Мысль, 1978. Т. 2.
2. *Секст Эмпирик*. Сочинения: В 2 т. / Пер. с древнегреч. А.Ф. Лосева. М.: Мысль, 1975. Т. 1.
3. *Лосев А.Ф.* История античной эстетики. Ранний эллинизм. М.: Искусство, 1979. Т. 5.
4. *Декарт Р.* Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках // Декарт Р. Сочинения: В 2 т. М.: Мысль, 1989. Т. 1.
5. *Арно А., Николь П.* Логика, или Искусство мыслить. М., 1991.
6. *Кант И.* Критика чистого разума // Сочинения: В 6 т. М.: Мысль, 1964. Т. 2.
7. *Вико Дж.* Основания новой науки. Об общей природе наций. Москва; Киев, 1994.
8. *Плотников Н.* Является ли теория разновидностью риторики. Режим доступа: http://www.book-ua/org/FILES/fil/1_12_2007/fil4477.html
9. *Johnston H.W.* Philosophy and Argument. The Pennsylvania State University Press, 1959.
10. *Милль Дж. Ст.* Система логики силлогистической и индуктивной. М.: Изд-во Г.А. Лемана, 1914.
11. *Поппер К.* Интерпретация вероятности: вероятность как предрасположенность // Поппер К. Логика и рост научного знания. М., 1983.
12. *Перельман Х., Олбрехт-Тытека Л.* Новая риторика: трактат об аргументации // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987.
13. *Тулмин Ст.* Концептуальные революции в науке // Структура и развитие науки. Из Бостонских исследований по философии науки. М., 1978.
14. *Rieke R.D., Sillars M.O.* Argumentation and the Decision Making Progress. N.Y., 1975.
15. *Бэкон Ф.* Великое восстановление наук // Сочинения: В 2 т. М.: Мысль, 1977. Т. 1.
16. *Лосев А.Ф.* История античной эстетики. Ранний эллинизм. М.: Искусство, 1979. Т. 5.
17. *Волков А.А.* Курс русской риторики. М.: Издательство Храма св. муч. Татианы, 2001.
18. *Durham, Cole W., Jr. Foreword, Vieweg Theodor.* Topics and Law: a contribution to basic research in law. Frankfurt am Mein; Berlin; Bern; New York; Paris; Wien: Lang, 1993.
19. *Начёрная С.В.* Топика в современной риторике: функциональный аспект // Классическое лингвистическое образование – в современном мультикультурном пространстве – 1. 2004. Режим доступа: <http://pn.pglu.ru/index.php?module=subjects&func=viewpage&pageid=1578>
20. *Vieweg Theodor.* Topics and Law: a contribution to basic research in law. Frankfurt am Mein; Berlin; Bern; New York; Paris; Wien; Lang, 1993.
21. *Плотников Н.* Является ли теория разновидностью риторики. Режим доступа: http://www.book-ua/org/FILES/fil/1_12_2007/fil4477.html
22. *Долгопольский С.* Против Риторики. Режим доступа: www.ruthenia.ru/logos/number/1999_2_07.htm

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 14 января 2009 г.